

Национальные отношения. "БУНТУЮЩАЯ ЭТНИЧНОСТЬ" НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ

Автор: Ю. Л. ШАБАЕВ

Рубеж 1990-х гг. явил миру феномен актуализации этничности, более-менее точно называемый то "этнической революцией", то "этническим парадоксом современности", то "бунтующей этничностью". Его современные проявления не ограничиваются распадом СФРЮ и ЧССР. К ним следует отнести, скажем, активизацию вроде бы канувших в Лету шотландского, валлийского или баварского национальных движений, ставящих целью создание собственных независимых государств в рамках Евросоюза. Подобные явления затронули и нашу страну, оказав в последние десятилетия зримое влияние на политику, социальную сферу, систему ценностей населения и его этнокультурные и этнополитические ориентации. Распад СССР, "парад суверенитетов" национальных республик в составе РФ, чеченский конфликт, обострение межэтнических отношений на Северном Кавказе, нарастание великорусского национализма - перечень примеров можно с легкостью продолжить.

На подобном фоне этнополитические процессы на Европейском Севере России выглядят почти незаметно: на поверхности их течение вроде бы спокойно, а ход сбалансирован. Однако и для этого региона характерен определенный уровень этнической нестабильности: для ряда групп его населения этничность все больше превращается в политический ресурс, а национальные движения - в инструмент достижения соответствующих целей. В связи с чем основная цель статьи - выявить местную специфику этнического "ренессанса" и "бунта".

Анализ этих явлений уместно начать с общей характеристики **демографического фона** в регионе. Практически для всех территорий Европейского Севера России с начала 1990-х гг. был характерен миграционный отток. Более всего он затронул Мурманскую область, Республику Коми (РК) и Ненецкий автономный округ (НАО): общая численность их населения за период между переписями 1989 и 2002 гг. сократилась, соответственно, на 23%, 18% и 24%. В подавляющем большинстве эти субъекты Федерации покидали русские и представители других некоренных этносов, что создавало предпосылки для заметного увеличения доли титульных групп. Но это произошло только в НАО, да и не в той мере, как ожидалось: доля ненцев в результате миграционного оттока должна была приблизиться к 25%, а последняя перепись показала ее возрастание до 19% [Финно-угорский... 2004].

Разница между ожидаемой и реальной долей титульного этноса в составе населения соответствующего региона на Российском Севере вполне объяснима. В 1990-е гг. этнокультурная идентификация их представителей, особенно горожан и молодежи, во многом соответствовала модели советского времени. Исследования в этой связи показывали любопытные вещи: практически 20% городских выпускников школ, у которых оба

Ш а б а е в Юрий Петрович - доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (Сыктывкар).

родителя были коми, заявляли, что они - русские [Шабаев, 1998; Попова, 2000]. Стремление к идентификации с доминантным большинством усилило ассимиляционные процессы, и демографические потери многих титульных этносов оказались выше, чем ожидалось. К примеру, к 2002 г. абсолютная численность коми даже на территории своей республики сократилась на 12% по сравнению с предыдущей переписью. Аналогичное снижение количества карел, коми-пермяков и вепсов составило, соответственно, 17%, 16% и 27%. Правда, численность саамов возросла на 11%, а ненцев - на 17% [Финно-угорский... 2004].

Вектор этнодемографических процессов среди народов Европейского Севера характеризует доля в общей численности этноса лиц моложе трудоспособного возраста. У вепсов этот показатель равен 7,1%; у карел - 10,2%; у коми-пермяков - 14,6%; у коми - 16,7%; у саамов - 24,4%; а у ненцев - более 25% [Финно-угорский... 2004]. Иначе говоря, кроме ненцев и саамов, у всех остальных финно-угров "демографическая пирамида" имеет весьма узкое основание, и это ставит под сомнение даже простое воспроизводство их численности. А с учетом факта, что именно молодежь более всего склонна к смене этнического самосознания под воздействием процессов аккультурации, "демографическую перспективу" данных народов в теории можно расценивать как крайне неблагоприятную.

Между тем с начала 1990-х гг. в контексте демократизации российского социально-экономического и политического пространства, на Европейском Севере, как и везде, начался **процесс "мобилизации этничности"**. В первую очередь он затронул титульные этносы, создававшие различные национальные движения, организации и пр. Под воздействием их требований региональные власти стали издавать местные законодательные акты и принимать целевые программы, призванные удовлетворить культурные и политические запросы различных этнических общностей и групп. Были приняты меры по расширению преподавания на национальных языках в школах; языки титульных этносов в большинстве национальных республик были объявлены государственными; их развитию и расширению сферы использования стало уделяться более серьезное внимание, чем прежде. Одновременно расширился интерес к культуре и историческому прошлому народов, возникли или были воссозданы краеведческие общества и кружки, появились новые специальные издания культурологического и краеведческого содержания, расширился выпуск литературы фольклорно-этнографического и исторического содержания в местных издательствах.

Следствием принятых мер стало некоторое смещение акцентов этнокультурных ориентации представителей титульных этносов в сторону признания ценности идентификации с собственными народами, а не доминантным, русским большинством. Актуализация этнического самосознания несколько изменила настроения в маргинальных группах потомков межнациональных браков¹ и горожан с ранее ослабленной этничностью, традиционно более склонных соотносить себя с большинством, нежели со своим народом.

Подобные подвижки групповой идентификации, как минимум, частично стабилизировали неблагоприятные демографические тенденции. Проиллюстрирую это утверждение на примере динамики доли коми среди жителей одноименной республики. Так, если по переписи 1989 г. она составляла 23,3%, то уже микроперепись 1994 г. показала ее увеличение до 26,6% [Финно-угорские... 2000]². Причем нужно учитывать, что демографический потенциал коми и доминирующего большинства в то время практически был одинаковым и потому не мог здесь сыграть решающую роль. Более того, если в 1994 г. число родившихся детей у женщин-коми превышало аналогичный показатель у русских на 22%, то в 1999 г. всего на 2%. А со второй половины 1990-х гг. уровень рождаемости в сельской части Коми впервые стал ниже, чем в городах. Между тем именно село, где

¹ К примеру, в Республике Коми в 37,7% семей супруги - представители разных этносов [Топилин, 1995].

² Перепись 2002 г. зафиксировала незначительное (в пределах статистической погрешности) снижение этого показателя.

жила половина титульного этноса, обеспечивало прежде основной прирост его численности [Фаузер, Загайнова, Климашевская, 2003]. Так что этнокультурные и этнополитические сдвиги в определенной степени компенсировали явно недостаточный потенциал воспроизводства этноса, ослабленный и естественными причинами, и ассимиляционными процессами, особенно интенсивными в городской среде.

Параллельное воздействие обеих вышеупомянутых тенденций обусловило конкретные модели развития различных этносов и субэтносов Европейского Севера России. Наиболее благоприятной выглядит ситуация у **саамов**. В демографическом плане данный этнос имеет половозрастную структуру близкую к оптимальной, и коэффициент рождаемости у него почти вдвое выше, чем у соседей. Может вообще показаться, что этническому своеобразию саамов ничто не угрожает, но это далеко не так: сказывается мощное демографическое и культурное воздействие доминантного большинства в регионах их проживания [Ульяновский, 2003].

Так, на Кольском полуострове этнос испытывал демографическое давление не только со стороны русского населения, но и местной группы коми (они переселились на полуостров в XIX в. с Ижмы, составив серьезную конкуренцию саамским оленеводам). К началу 1980-х гг. доля межнациональных браков у Кольских саамов, за 20 лет до этого переселенных из мелких мононациональных поселков в крупные села, достигла 60%³. В результате в составе группы сложился довольно значительный слой людей, являвшихся саамами лишь статистически, а не по самосознанию. Вдобавок, перемещение в крупные населенные пункты заставило саамов - носителей разных диалектов, перейти на русский язык. Не случайно по данным переписи 1989 г. только 44% из них называли диалекты саамского своим родным языком (в 1959 г. таких было 70%). Положение мало изменилось и после создания в 1982 г. саамского литературного языка и введения тремя годами позже его преподавания в школе. Родным языком владело и продолжает владеть только старшее поколение [Лукиянченко, 2002, с. 116].

Перемены начались с 1992 г., когда на фоне роста политической активности саамов России наладились их прочные контакты с представителями своего этноса в скандинавских странах, объединенными в Совет северных саамов (входит в международную организацию Арктический Совет). Членство в этой организации, помимо статуса коренного народа Баренц-Арктического региона, дало российским саамам возможность получать из-за рубежа различную поддержку, в том числе и финансовую. В 2000 г. саамы были внесены Правительством РФ в Перечень коренных малочисленных народов России со всеми вытекающими отсюда преференциями.

Быть саамом стало "выгодно": саамская молодежь получила возможность бесплатно обучаться в вузах Швеции, Норвегии и Финляндии; саамские активисты стали частыми гостями в странах Скандинавии; их национальная организация получила мощную поддержку из-за рубежа. Коль скоро этническая идентичность стала ресурсом получения дополнительных преимуществ, наметилось и заметное увеличение численности саамов. Однако пока все это не затронуло глубинный процесс деэтнизации: люди, как и прежде, не знают саамского языка, не знакомы с культурой и историей своего народа, тем более не ведут традиционного хозяйства. Их связывают со своим этносом только соображения рационального выбора.

У **ненцев**, также объявленных коренным этносом Баренц-Арктики и включенных в Перечень коренных малочисленных народов РФ, положение дел намного хуже. В 1990 г. в НАО была создана Ассоциация ненецкого народа "Ясавэй", ставшая членом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНССДВ). Через упомянутые структуры предпринимаются меры по содействию в развитии языка, культуры европейских ненцев, оказания им юридической и финансовой

³ В этой связи местные власти даже стали принуждать детей из смешанных семей указывать при паспортизации национальность "саам", поскольку вышестоящие инстанции из политико-пропагандистских соображений требовали сохранения численности этноса.

помощи от федерального центра и различных международных финансовых институтов, включая Всемирный банк. Особое внимание уделялось поддержке и развитию оленеводства как основы образа жизни и главной составляющей культурного своеобразия этноса, для чего в округе был принят соответствующий закон.

Но несмотря на все меры поддержки, оленеводство из-за сокращения площади пастбищных угодий продолжает пребывать в кризисе, ибо не совершенствуется система ведения кочевого хозяйства, а главное, большинство ненецкой молодежи не желает связывать свою судьбу с традиционным занятием отцов и дедов. Кроме того, европейские ненцы, как правило, не владеют вовсе или очень ограниченно владеют родным языком. Он преподается в школе как иностранный, поскольку еще в конце XIX в. большинство этноса перешло на русский, а часть даже на язык коми. Ненецкий язык знают лишь немногие оленеводы-единоличники, сумевшие сохранить традиционный образ жизни в советские времена. Среди ненцев очень велик уровень алкоголизации и люмпенизации, что подрывает не только здоровье этноса, но и его способность к культурному прогрессу и самоорганизации [Рокина, 2003].

Яркий пример того, что осознание собственных интересов среди ненцев еще не достигло должного уровня, - низкая популярность лидеров "Ясавэй". В 2000 г. Ассоциацию возглавил молодой, грамотный и очень инициативный лидер В. Песков, который пытался активизировать ее работу и сделать влиятельной политической силой в округе. В конце 2003 г. выдвинул свою кандидатуру в депутаты Госдумы РФ, но набрал менее 3% голосов избирателей, хотя только ненецкий электорат мог дать Пескову, как минимум, в пять раз больше. Ситуацию не изменил и принятый в 2001 г. Законодательным собранием НАО закон "О дополнительных гарантиях избирательных прав ненецкого народа быть избранным в законодательный (представительный) орган государственной власти Ненецкого автономного округа", в соответствии с которым за ненцами резервировалось два места в составе депутатского корпуса округа. Этот закон, по сути, провалился на уровне реализации: во время выборов в Законодательное собрание на "ненецкую квоту" претендовало 8 человек, включая лидеров "Ясавэя", но победил кандидат "против всех". Все это означает, что ненцы находятся на периферии культурной, социальной и политической жизни округа. А попытки их лидеров "мобилизовать" сородичей пока не создают условий ни для культурного прогресса, ни для их полноценной аккультурации и ассимиляции.

Практическое отсутствие тенденции этнического возрождения у **коми-пермяков** во многом задано накопившимися экономико-демографическими проблемами. Коми-Пермяцкий автономный округ (КПАО) был изначально депрессивным районом: его хозяйство базировалось на отсталом и малопродуктивном аграрном производстве, еще в конце XIX в. переставшем обеспечивать местное население ресурсами. Развитие в округе лесного комплекса несколько затормозило кризисные явления в социально-экономической сфере, но уже с 1960-х гг. из КПАО начался массовый отток населения. К 1989 г. оно сократилось с 236 до 160 тыс. человек, причем выезжала наиболее грамотная и молодая часть населения, в особенности женщины фертильного возраста. В итоге произошло не только сокращение населения и снижение уровня его образования, но и нарушилась демографическая структура. Так, в 1980-е гг. на 1 тыс. мужчин в возрасте 16 - 29 лет в КПАО приходилось только 812 женщин того же возраста [Полуянов, Шабаев, Мальцев, 2000]. Ныне показатели социально-экономического развития округа - одни из самых низких в стране, и его бюджет на 80% дотируется из федеральной казны.

Перепись 2002 г. зафиксировала очередное снижение численности коми-пермяков на 25 тыс. человек; скорее всего, этот процесс в ближайшие годы пойдет более активными темпами. Коэффициенты естественного прироста и брачности в КПАО ниже, чем во всех остальных финно-угорских регионах России: в 2003 г. они составляли, соответственно, 10,2 и 4,1; коэффициент же младенческой смертности, наоборот, самый высокий - 19,7. Крайне неблагоприятное соотношение полов усугубляет глубокий кризис семейных отношений вследствие пьянства, охватывающего все более широкие слои населения.

Этнокультурные ориентации коми-пермяков, согласно данным исследований, были смещены в сторону русской культуры и общероссийской гражданской идентичности, поэтому их "этническая лояльность" крайне слаба. Смена самосознания, особенно у молодежи, прогрессирует. Заметно сократилось число учебных заведений, где преподается коми-пермяцкий язык; резко упали тиражи изданий на нем, а книжные магазины перестали заказывать эти книги из-за отсутствия спроса. Проблемы сохранения и развития этнической культуры стали явно не актуальными не только для населения в целом, но и для значительной части национальной интеллигенции, о чем свидетельствует полное отсутствие интереса к призывам национальных организаций и низкая поддержка их деятельности общественностью [Шабаев, 2003⁶].

Логическое завершение этого процесса - прекращение с декабря 2005 г. существования КПАО как субъекта Федерации. Двумя годами ранее на референдуме за объединение с Пермской областью и фактическую ликвидацию национальной государственности высказались 90% избирателей, хотя в округе по сравнению с другими финно-угорскими регионами наивысшая доля представителей титульного этноса - 59%! Иначе говоря, коми-пермяки отвергли модель "мобилизации этничности", не гарантирующую их благополучие, избрав путь экономического возрождения через объединение с более сильными соседями.

Проблемный характер имеет развитие **вепсов**, чье дисперсное расселение по Республике Карелия, Ленинградской и Вологодской областям создает дополнительные трудности для их этнокультурного развития и сохранения самобытности. У этноса неустойчивая, противоречивая динамика численности: в период между переписями 1979 и 1989 гг. она, например, увеличилась на 60%, поскольку на людей перестали оказывать давление, и многие из тех, кто прежде называл себя русскими, заявили о себе как о вепсах. К 2002 г. их число существенно снизилось - до 8 тыс. человек - в основном, за счет ассимиляционных потерь.

При этом вепскую проблему в последние десятилетия пытались решить: была принята специальная федеральная программа по сохранению и развитию культуры этого этноса, внесенного в перечень коренных малочисленных народов России. В Карелии были созданы Вепсская волость, Общество вепсской культуры, в нескольких школах начались уроки вепсского языка, а с 1991 г. его стали преподавать и в Петрозаводском университете. Тем не менее остановить процессы деэтнизации среди вепсов очень трудно (тем более что в других регионах поддержка со стороны властей в деле сохранения их локальных групп явно недостаточна) [Прибалтийско-финские... 1995; Сородичи... 2000]. Социологическое исследование, проведенное среди вепсов Карелии в 2002 г., показало: доля людей, хорошо знающих родной язык, по сравнению с серединой 1980-х гг. несколько сократилась. Правда, доля умеющих читать и писать на нем немного возросла, что, вероятнее всего, связано с появлением вепсской газеты, с публикацией ряда книг на вепском языке и развитием национальной школы. Впрочем, одновременно опрос зафиксировал, что только 5,4% респондентов-вепсов в возрасте 16 - 29 лет назвали вепсский язык родным [Клементьев, 2003, с. 201 - 205]. Вне Карелии ситуация с сохранением этничности вепсов еще более сложная: их самосознание крайне ослаблено, а степень владения родным языком гораздо ниже. Возможно, что-то изменится, если будет создана вепсская национально-культурная автономия, но повернет ли это вспять вектор этнокультурных и этнодемографических процессов, сказать трудно.

Карелы имеют больше возможностей для сохранения и развития своей этнической культуры, будучи титульным этносом своей республики. Там осуществляются специальные программы по сохранению и развитию карельского языка, изучение которого начинается в детских дошкольных учреждениях; идет издание на нем книг и учебников; уделяется внимание сохранению и поддержке фольклорной и профессиональной художественной культуры карел. Но все эти меры, как показывают данные переписи 2002 г., не дают результатов: численность этноса стремительно сокращается, и культурные институты, призванные сохранять и поддерживать этничность, в последние годы находятся в крайне неустойчивом положении из-за слабой востребованности. Так, за по-

следние пять лет карельский язык перестал преподаваться в 28 школах, для которых не хватает ни учителей, ни учеников. Но самое главное, половина титульного населения Республики Карелия проживает в Петрозаводске, где подвергается мощному ассимиляционному воздействию, неизбежному в условиях интенсивных межэтнических контактов. Не случайно большинство браков, заключаемых сегодня карелами, - межнациональные [Клементьев, 2004]. Иначе говоря, государственная поддержка деятельности национальных организаций карел оказалась не в состоянии повлиять на процесс эрозии их этничности.

Объективно условия этнического развития **коми** наиболее благоприятны по сравнению с другими финно-уграми Европейского Севера России. Во-первых, с начала XX в. они были одним из самых образованных народов Российской империи, что отметил в своей автобиографической повести великий выходец из Коми-земли - основатель факультета социологии Гарвардского университета П. Сорокин [Сорокин, 1991]. Во-вторых, 87,4% этноса ныне проживают компактным анклавом в южных и центральных районах Республики Коми. На селе коми составляют в целом 50% населения, в городах - 15%. Темпы роста их численности на протяжении XX столетия были высокими: за период между первой переписью населения Российской империи 1897 г. и последней переписью населения СССР 1989 г. она возросла на 224% [Котов, Рогачев, Шабаяев, 1996].

Коми национальное движение "Коми войтыр" - одно из самых организованных и успешных среди финно-угров, и во многом благодаря его усилиям система государственной поддержки титульного этноса и его культуры в РК оказалась одной из наиболее эффективных. После принятия в 1992 г. республиканского закона, согласно которому коми язык наравне с русским получал статус государственного, в Коми было реально введено двуязычие. На двух языках ныне издаются все законодательные акты, в обязательном порядке приводятся названия улиц и учреждений. Была также принята и успешно реализуется программа развития коми языка, которая предполагает введение обязательного обучения во всех школах республики. Осуществляются многие другие меры государственной поддержки национальной культуры коми. По числу издаваемых книг на коми языке и их тиражам республика опережает остальные финно-угорские регионы.

Тем не менее процессы ассимиляции и аккультурации и среди коми протекают очень интенсивно, и численность представителей этноса, проживающих на территории собственного национально-государственного образования, сократилась лишь немногим меньше, чем у карел или коми-пермяков. Сужается и область использования родного языка: по данным микропереписи 1994 г., даже в семье 56,8% коми пользуются для общения русским (для сравнения, у карел этот показатель - 82,5%) [Финно-угорские... 2000, с. 10].

Еще одно важное свидетельство проблемного характера развития этноса - начавшийся процесс его фрагментации. Хотя исследования конца 1980-х гг. свидетельствовали, что этническая консолидация коми была практически завершена и прежние субэтнонимы ушли в прошлое, однако политизация этничности, начавшаяся на рубеже 1990-х гг., способствовала возрождению локальных форм идентичности и формированию этнополитических организаций на основе исторической памяти об этнографических группах. Крупнейшей из этих организаций стала Ассоциация **коми-ижемцев** "Изьватас". Долгое время она не отличалась ни особой активностью, ни популярностью. Ситуация переменилась после того, как в ее состав вошли активисты "зеленых", выступавшие в защиту родовых угодий ижемцев от экспансии нефтяных компаний.

Влияние "Изьватас" в Ижемском районе существенно возросло, а приоритеты его деятельности во многом не согласуются с политикой властей РК. Так, в ходе переписи населения 2002 г. Ассоциация призывала жителей района обозначить свою национальность не как "коми", а как "коми-ижемец", чему последовало 16 тыс. человек. Возникшее тогда предложение включить этот этноним в Перечень коренных малочисленных народов на пятом съезде "Изьватас" (2003 г.) было оформлено как его политическая цель. Это произошло вопреки возражениям главы РК В. Торлопова и министра культуры РК М. Кузьбожевой, апеллировавших к идее единства коми, общности их исторических су-

деб и культуры. Власти настаивают, чтобы лидеры ижемского движения научно доказали существование своего этноса, что, естественно, вызывает возмущение у членов "Изьватас".

Очевидно, нельзя считать правильным то, что чиновники национальных республик и ныне готовы предписывать гражданам, как им обозначать этническую принадлежность. Это явно противоречит идее свободного определения ее людьми и идее этнокультурного многообразия. Однако нельзя не видеть и прагматической подоплеку решения Ассоциации бороться за статус малочисленного народа. Как явствует из ее документов, причины тут были чисто экономическими - получение коми-ижемцами "прав и льгот социально-экономического характера и налоговых послаблений... плоды от которых уже видят те же ханты и саамы" ("Республика". 2003. 18 июля).

Если ижемцы продолжают борьбу за свой особый статус, это, безусловно, приведет к дистанцированию их от коми этноса и размежеванию интересов "Изьватас" и "Коми войтыр". Помимо крайне болезненного для коми вопроса о фиксации в переписи этнонима "коми-ижемец", оба движения разделяет и отказ "Коми войтыр", как и официальных органов республики, поддержать перед федеральным центром ходатайство о включении ижемцев в список коренных малочисленных народов России ("Зырянская жизнь". 2004. 9 августа). А вхождение их в конце 2004 г. в состав АКМНССДВ и участие в 2005 г. делегации ижемцев в конгрессе этой Ассоциации вряд ли облегчат согласование интересов обоих движений Республики Коми.

Типологически сходный процесс "конструирования" воображаемого этнического сообщества (термин Б. Андерсона [Андерсон, 2001]) идет и в Пермской области, где статуса коренного малочисленного народа добиваются **коми-язвинцы**. После создания в 1920-е гг. Автономной области Коми (ныне РК) и КПАО эта группа, говорившая на переходном диалекте между двумя основными наречиями единого языка коми (зырянским и пермяцким), оказалась вне пределов этих национально-государственных образований [Лыткин, 1961]. Это повлекло за собой частичную утрату ее членами своего этнического своеобразия. И хотя они и представляли собой довольно изолированное сообщество, отличавшееся от окрестного населения языком и конфессиональной принадлежностью (язвинцы - староверы), по мере нивелирования этих особенностей оно практически перестало выделяться из общей массы сельского населения Пермской области (как отдельная этническая общность язвинцы в последний раз регистрировались переписью населения 1926 г.). Численность группы неуклонно сокращалась. По существу, этническое самосознание частично сохраняли только люди старшего поколения, которые еще хоть как-то помнили язык [Чагин, 1993].

Говорить о язвинцах как об этнической реальности сегодня вряд ли уместно: носителей этнического самосознания среди молодежи, принадлежащей к этой этнической группе, практически нет. Правда, в последние годы власти Красновишерского района Пермской области предприняли усилия для воссоздания некоторых культурных традиций язвинцев и сохранения исторической памяти: издаются специальные буклеты и брошюры, проводятся конференции, формируются музейные экспозиции [Информационный... 2004]. Однако эти меры - скорее музейная "реконструкция" этничности, осуществляемая местными работниками культуры, которая восходит к истории региона, а не к выраженной и прочной групповой идентичности.

Попытки возродить субэтническую идентификацию затрагивают не только финно-угров, но и русских: на рубеже 2000 г. объявили себя этносом **поморы**. Как утверждают их активисты, они - не этнографическая группа, не субэтнос русского народа, а самостоятельный этнос. Его субстрат - "местные угро-финские "протопоморские" культуры и культуры первого древнерусского (но не "великорусского") населения", которое проживало на Европейском Севере до прихода сюда собственно русских колонистов. В ходе переписи населения 2002 г. 6,5 тыс. жителей Архангельской области, включая губернатора А. Ефремова, осознанно обозначили свою национальную принадлежность именно как "поморы", чтобы отделить себя от некоренного населения региона [Шабаев, 2003^a]. В 2003 г. была зарегистрирована национально-культурная автономия поморов Архан-

гельска, а год спустя - община поморов на правах коренных малочисленных народов Севера.

На мой взгляд, акцент на этничности как основе возрождения поморской общности объясняется не только и не столько историко-культурными причинами. Этнографические исследования показали, что поморы давно утратили свою специфику - хозяйственную специализацию, особые поморские говоры (в лингвистическом плане единого поморского диалекта не существовало), старообрядческие традиции (часть поморских общин были старообрядцами), культурные особенности [Бернштам, 1978]. Симптоматично, что процесс бурного расцвета различных национально-культурных обществ и возвращения из небытия утраченных культурных символов, происходивший в начале 1990-х гг., поморов не затронул.

В действительности "реанимация" поморов как группы, их движение за создание национально-культурной автономии и т.п. имеют иную подоплеку. Прежде всего это - особенности общественно-политической ситуации в Баренц-Арктике. В последние годы роль Архангельской области в этом регионе заметно возросла: она стала активно включаться в международное сотрудничество, развивая разнообразные контакты со странами Скандинавии. В глазах части местной интеллектуальной элиты это сделало Архангельск неким символическим интеллектуально-культурным центром Русского Севера, нередко ассоциируемого именно с Поморьем. Не случайно областная информационная программа стала именоваться "Вести Поморья", начали издаваться тома "Поморской энциклопедии", бывший провинциальный пединститут получил громкое имя Поморского университета им. М. В. Ломоносова и т.д.

На таком фоне возник ряд проектов административно-территориальных преобразований, в том числе - создание Поморско-Ненецкой республики, которая объединила бы Мурманскую, Архангельскую области и Ненецкий автономный округ в единый субъект Федерации [Лукин, 2003]. Идея поморской идентичности и регионализма стала востребованной. Предполагаемой республике требовалась этническая основа. Ненцы - титульный этнос в трех автономных округах - для этого не годились, поэтому на политической сцене появились поморы.

Кроме того, в ситуации присутствует и экономический подтекст. Архангельская область и прилегающие к ней районы арктического шельфа богаты нефтью и газом, потому такие гиганты, как ЛУКойл и Роснефть, развернули в этом районе активную деятельность с целью напрямую поставлять добываемые энергоносители на рынки Европы и Северной Америки. Но потребители топлива теперь требуют, чтобы у поставщиков были урегулированы отношения с коренными народами территорий, где ведется добыча и разведка энергоносителей. Международные финансовые институты отказываются финансировать крупные проекты в области энергодобычи без наличия у компаний договорных отношений с традиционными землепользователями. Более 10 лет назад Всемирный банк издал операционную директиву "Коренные народы", обязывающую добывающие компании представлять программы реабилитации коренного населения перед тем, как запрашивать кредиты на реализацию проектов разработки полезных ископаемых. Практика заключения таких соглашений все шире утверждается и в России, и если поморские общины получают статус коренных народов, проживающих на землях, где разворачивается интенсивная добыча нефти и газа, они могут рассчитывать на солидные компенсации. Иначе говоря, политико-экономический проект "поморы" в случае реализации может принести его участникам солидные дивиденды.

Приведенные примеры показывают, что для Европейского Севера России стала явственной тенденция смещения "фокуса национального развития в классическом понимании этого слова... к взаимодействиям более крупного или более мелкого масштаба, чем нация, организованная посредством государственных институтов" [Боришполец, 2001]. Актуализация локальных идентичностей и концентрация политических интересов на уровне малых этнических сообществ доказала свою функциональность. Посредством этого легче осуществить "мобилизацию этничности", разъяснив активистам, что реализация поставленных целей может иметь непосредственное влияние на реальное

положение всех членов сообщества. В этом плане проведение общеэтнической "мобилизации" - более сложное дело хотя бы потому, что для рядовых представителей сообщества далеко не всегда ясны ее конечные цели, а главное - практический результат. Отчасти поэтому практически все крупные национальные движения в регионе переживают сегодня кризис и спад активности [Шабаев, 2004].

* * *

Таким образом, характер этнических процессов в регионе, включая и их "бунтарское" направление, позволяет говорить о том, что ныне содержание этничности активно перемещается из сферы культурных ценностей в сферу ценностей символических. Для индустриальных обществ это вполне закономерно. Человек может не знать языка и традиций своих предков, не носить национального костюма, не заниматься традиционными видами деятельности и тем не менее ощущать себя членом определенного этнического сообщества, ибо для него это - важный социальный символ. Поэтому, отвечая, скажем, на вопрос переписей населения о родном языке, некоторые люди называют тот, которым они не владеют или владеют ограниченно. Язык в данном случае рассматривается ими как символическая ценность, как знак принадлежности к определенному этническому сообществу, и потому они называют его "родным". В качестве таких же символов выступают и национальный костюм, почти повсеместно вышедший из употребления, и некоторые элементы традиционной материальной культуры этноса, включенные в современный интерьер, и т.п. Условно говоря, символическая этничность сегодня замещает этничность культурную. Казалось бы, в этой ситуации в идеологии национальных движений важнейшее место должны занимать те ценности и идеалы, к которым следует стремиться этносу, движения должны вырабатывать и предлагать членам этнического сообщества новый символический образ собственного народа ("идеальный социальный портрет"), отвечающий духу времени. Но этого-то в идеологии национальных движений пока нет.

Подобного рода логика выступает первоосновой некоторых парадоксов общей этнодемографической, этнокультурной и этнополитической ситуации, складывающейся сегодня на Европейском Севере России. Первый парадокс состоит в том, что в наилучшем положении оказалась самая малочисленная и вроде бы крайне уязвимая этническая группа - саамы. Но именно у них этничность приобрела ту символическую ценность, которая может обеспечить стабильность этноса в условиях острой конкуренции языков и культур.

Если более крупные народы не смогли создать из этничности символический капитал, они проигрывают в культурной конкуренции. С этим связан второй парадокс: несмотря на тенденцию "этнического ренессанса", усиления внимания к развитию национальных культур и школы и попытки этнических лидеров мобилизовать "своих", процессы деэтнизации среди большинства финно-угорских народов не только не остановились, но даже усилились. Это подтверждается демографическими показателями, но главным образом - состоянием культурно-бытовой сферы.

Третий парадокс заключается в том, что сегодня "бунтующая" этничность появляется там и тогда, где для этого уже нет реальных оснований. Она порождается не логикой культурного развития народа, а экономическими и политическими интересами. Но они по своей сути весьма ситуационны. Поэтому, когда развитие этноса испытывает серьезные трудности, когда имеет место усиление процессов его культурной эрозии и необходимы дополнительные стимулы для поддержания стабильности этнического сообщества, новые национальные движения оказываются неспособными ее поддержать.

Учитывая описанные выше факты и процессы, следует признать, что не только численность, языковые и культурные характеристики этнических сообществ Европейского Севера России - величины весьма изменчивые, но и этническая картина всей этой историко-культурной провинции очень динамична. Скорее всего, здесь будут и далее иметь место заметные изменения, обусловленные как культурной и политической

конъюнктурой, складывающейся в регионе, так и деятельностью локальных политических антрепренеров" (термин Ф. Барта [Barth, 1963]). Словом, проблемный характер развития Российского Севера, очевидно, сохранится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

Бернштам Т. А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.

Боришполец К. П. Национальное измерение глобального мира // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2001. N 1.

Информационный центр финно-угорских народов // www.finugor.komiinform.ru.news/archiv/index.html. 2004.08.24.

Клементьев Е. И. Вепсы: современная этноязыковая ситуация // Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей, посвященный 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003.

Клементьев Е. Карелия // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2003. М., 2004.

Котов О. В., Рогачев М. Б., Шабаев Ю. П. Современные коми. Екатеринбург, 1996.

Лукин Ю. Ф. Статус Ненецкого автономного округа: анализ и возможные изменения // Вестник Поморского университета. Серия "Гуманитарные и социальные науки". 2003.

Лукьянченко Т. В. Государственная политика и традиционная культура саамов. Проблемы возрождения // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002.

Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

Полуянов Н. А., Шабаев Ю. П., Мальцев Г. И. Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития (Очерки, статьи, материалы). М., 2000.

Попова Л. А. К вопросу об этнической самоидентификации // Северные регионы России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000.

Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскуля, 1995.

Рокина В. В. Ненецкий язык: быть или забыть? По итогам круглого стола // Ненецкая письменность и развитие национальных традиций народа. Материалы научно-практической конференции. Нарьян-Мар, 2003.

Сородичи по языку. Будапешт, 2000.

Сорокин П. Долгий путь. Сыктывкар, 1991.

Топилин А. В. Межнациональные семьи и миграции: вопросы взаимодействия // Социологические исследования. 1995. N7.

Ульяновский В. И. Ненецкий автономный округ: динамика социального перелома // Вестник Поморского университета. Серия "Гуманитарные и социальные науки". 2003.

Фаузер В., Загайнова Г., Климашевская Е. Этнический фактор демографического развития Республики Коми // Межнациональные отношения как фактор стабильности в многонациональном регионе. Сыктывкар, 2003.

Финно-угорские регионы России. Статистический сборник. Сыктывкар, 2000.

Финно-угорский мир. Статистический сборник. Сыктывкар, 2004.

Чагин Г. Н. Язьвинские пермяки. Пермь, 1993.

Шабаев Ю. П. Кому нужны поморы? // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень N 51. 2003^a.

Шабаев Ю. П. Конструирование нового национализма финно-угров России: конкуренция глобального и регионального // Мир России. 2004. N 3.

Шабаев Ю. П. Перепись в Республике Коми: проблемы и издержки // Этнография переписи-2002. М., 2003^b.

Шабаев Ю. П. Республика Коми: время кризиса и этнополитические воззрения молодежи // Идентификация идентичности. Этнополитический ракурс. Т. 2. М., 1998.

Barth F. Introduction // The Role of the Entrepreneur in Social Change in Northern Norway. Bergen-Oslo, 1963.

